

ИННА ВЯЧЕСЛАВОВНА ВАСИЛЬЕВА

Россия, Москва

АВТОБИОГРАФИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

АБСТРАКТ:

Autobiography as an element of Russian fiction in the first quarter of the 20th century.

Autobiography in Russian fiction in the first quarter of the XX century is one of the most compelling evocations of the author's image. Autobiography is usually understood as the reflection of events from the life of the writer in a literary work, as well as the proximity of the hero of the text to the author in any respect. Due to the fact that in realistic texts, particular attention is paid to the social situation that characterizes a certain historical period, it is important to understand the perception of the world of the creator of the literary work.

KEY WORDS:

Autobiography – prose – realism – author – psychology – philosophy – worldview – artwork – motives – image – character.

Автобиографизм в русской художественной прозе первой четверти XX века – одно из наиболее интересных воплощений образа автора. Под автобиографизмом обычно принято понимать отражение в литературном произведении событий из жизни писателя, а также близость в каком-либо отношении героя произведения к его автору. В силу того, что в реалистических текстах особенно большое внимание уделяется общественно-социальной ситуации, характеризующей определенный исторический период, важным представляется и мировосприятие не-

посредственно создателя того или иного произведения. Период, о котором идет речь в данной статье, наполненный множеством сложных, противоречивых событий, оставил свой след как в жизни всей России, так и в судьбах отдельных людей. Творческий человек особенно остро ощущает процесс переустройства мира, пропуская все через себя.

Актуальность данной работы заключается, в том, чтобы продемонстрировать те особые компоненты, которые участвуют в создании так называемых автобиографических текстов, где реальная жизнь автора-создателя переплетается с вымыслом. Примеров такого рода достаточно много. Наиболее яркими и интересными, на наш взгляд, представляются произведения А. М. Горького, А. С. Грина, М. М. Пришвина и некоторых других.

Важной особенностью данного типа произведений является расширение рамок жанра автобиографического текста посредством введения в него социальных, психологических, философских, фантастических и других элементов.

Долгое время научное определение понятия «автобиография» отсутствовало. Только в 1836 г. во Французском академическом словаре, наконец, появилось это слово, однако смысл его в сравнении с современным пониманием был совершенно иным. Оно обозначало «ручной, рукописный», передавая лишь один из аспектов привычного для нас определения автобиографического текста, притом не самый очевидный. Однако уже в 1844 году появляется трактовка этого понятия, принятая и бытующая в наши дни: «воспоминания о себе самом». Несмотря на такое достаточно позднее оформление этого научного понятия, художественные тексты с элементами автобиографизма начали распространяться в русской литературе еще в самом начале ее становления, в древнерусский период. Не ослаб интерес к такого рода произведениям и в последующие эпохи, наполняя их все более новым разнообразием художественных средств и жанровых особенностей. Большинство созданных литературных произведений в большей или меньшей степени включают в себя личностный авторский биографический контекст. В связи с этим можно условно разделить автобиографические тексты на две не вполне равновеликие группы: первая – собственно автобиографии, т.е. непосредственно воспоминания о себе самом, и ее составляет совсем небольшой объем произведений; вторая – это разного рода тексты, в которых в большей или меньшей степени присутствуют детали и факты из жизни автора, их создавшего. Эта группа значительно преобладает над первой. Именно ее особенно пристально рассматривал Ш. О. Сент-Бев, создавая свой биографический метод исследования ху-

дожественного текста, из которого следует, что для понимания особого, индивидуального мировосприятия любого писателя нужно «увидеть в поэте человека», «воскресить живой облик, изучить его биографию» [Сент-Бёв 1970: 403]. Именно тогда появляется возможность глубокого проникновения в замысел автора и его идею, поэтому собственно автобиографии представляют наибольший интерес у читателей, т.к. именно они передают во всех нюансах портрет конкретного писателя или поэта, а значит, помогают проникнуть в глубины его творческой лаборатории.

Одним из таких произведений можно считать «Автобиографическую повесть» А. Грина. Написанная в начале 30-х годов, она содержит множество фактов сложной и противоречивой жизни писателя. Первоначально рукопись была озаглавлена «На суше и на море» с подзаголовком «Автобиографические очерки А. С. Грина». Однако существовали и другие варианты названий: «Книга о себе» и «Легенда о себе». Непосредственно же название «Автобиографическая повесть» было дано в «Издательстве писателей в Ленинграде» уже после смерти писателя. С одной стороны, перед нами вполне документальный, правдивый рассказ А. Грина о детстве, родителях, учебе и первых самостоятельных шагах в жизни, с другой – это не документально точное повествование, а художественный текст, который предполагает, как уже говорилось выше, определенную долю преувеличения и вымысла. Необходимо также учитывать и тот факт, что создавался этот текст спустя много лет после описанных в нем событий, поэтому наличие всякого рода неточностей и искажений вполне допустимо. Многие факты могли просто интерпретироваться в памяти под влиянием определенных событий, наложившихся на них позже. Нужно также иметь в виду и то, что создавалось это произведение одним из самых загадочных и необычных российских писателей первой четверти XX века, который видел свою задачу не столько в том, чтобы описать собственную жизнь, но дать развернутую, многообразную картину определенного исторического периода, свидетелем и активным участником которого был он сам. Была и еще одна весьма веская причина создания собственной автобиографии – многочисленные сплетни и слухи о А. Грине, распространявшиеся в творческой среде и зачастую не имевшие ничего общего с истинной жизнью писателя. «С 1906 по 1930 год я слышал от братьев по перу столько удивительных сообщений о себе самом, что начал сомневаться – действительно ли я жил так, как у меня здесь написано. Судите сами, есть ли основание назвать этот рассказ “Легендой о Грине”» [Грин 1965с: 241]. Очевидно, что такое положение в литературной среде А. Грина явно не устраивало. Грину эти небылицы мешали жить, они

раздражали его, и он не единожды пытался от них отбиться. Во вступлении к одной из своих повестей, написанной в 1910-х годах, писатель иронически пересказывал версию об «английском капитане и его рукописях, которую по секрету распространял в литературных кругах некий беллетрист» [Грин 1965а: 4]. Грин с горечью писал:

Никто не мог бы поверить этому... но в один несчастный для меня день ему пришла в голову мысль придать этой истории некоторое правдоподобие, убедив слушателей, что между Галичем и Костромой я зарезал почтенного старика, воспользовавшись только двугривенным, а в заключение бежал с каторги... [Грин 1965с: 238].

На самом деле история жизни этого писателя вполне обычна и типична для своего времени, т.е. для периода конца XIX – начала XX столетия. Уход из дома, скитания и странствования, поиск своего места в жизни, надежды и разочарования – вот то, что испытал Грин. Романтик в душе, в реальной жизни он столкнулся с типичностью и обыденностью, с жестокостью и пошлостью. Вероятно, это противостояние внешнего и внутреннего пробудило в будущем писателе желание хотя бы на бумаге сделать мир интереснее и привлекательнее. Именно поэтому и в его последнем крупном произведении существуют как бы две самостоятельные части. Первая – рассказ о жизни самого писателя, начиная с его детских лет и заканчивая событиями 1905 года. Однако только рассказ о самом себе, по всей видимости, не удовлетворяет А. Грина, потому-то и появляются в тексте достаточно большие фрагменты, напрямую или даже совсем с ним не связанные. Именно таким является, например, описание одесского порта, приводимое во всех подробностях:

Территория порта была прорезана рельсовыми путями, окаймлена угольными и товарными складами. Ночью порт ярко озаряли торжественным белым светом дуговые фонари. Над земными рельсами шел воздушный рельсовый путь-эстакада, высокий помост, с которого из вагонов грузились на пароходы хлеб и другие товары. Ночью грохот гавани замирал, но уже с раннего утра слышались крики грузчиков: «Вира! Майна! Хабарда!» (берегись!); полуголые, в широких до щиколотки штанах и грязных фесках работали на пристанях артели турок, называемых «агибалами», «агибалками». Каменные сортиры у входов на молы распространяли едкий запах карболки и хлорной извести [Грин 1965с: 259].

Можно также вспомнить и описание жизни на Карантинной улице там же в Одессе, данное совершенно в духе рассказов А. М. Горького из его цикла «По Руси».

С закатом солнца на Карантинной улице начиналось вечернее беснование. Среди вони подгоревшего масла, пьяных растерзанных женщин, собак, среди грязной брани и рева детей, вдоль тротуаров, на тумбах, скамьях, у решеток подвалов располагалось рабочее население: грузчики, поденщики, босяки — с закуской и водкой. Одурев, большинство их расходилось по ночлежкам, остальные — в свои углы [Грин 1965с: 259].

В качестве примера можно привести и подробный, данный во всех деталях рассказ о Шуваловских приисках:

Шуваловские прииски представляли собой скопление изб, казарм, шахт и конторских строений, раскинутое частью в лесу, вдоль лесной речки. Здесь работало несколько тысяч человек, не считая «старателей». Порядок приема на работу был очень прост: каждый, кто хотел, приходил в контору, сдавал свой паспорт, получая взамен расчетную книжку и рубль задатка, а затем мог идти и селиться, где и у кого хочет; благодаря этому был постоянный резерв свободной рабочей силы. Хотя все, кто выходил утром к наряду, получали работу (я не говорю о шахтерах, забойщиках и крепильщиках-плотниках — эти были как бы штатные, хотя тоже поденщики), в казармах постоянно валялись, дымя махоркой, лодыри; эти день-два работали, а день-два отдыхали, так как, закупив хлеба, мяса и табаку, они ели эти запасы, пока голод не заставлял их снова идти на наряд. Десятник механически отмечал в своей таблице рабочие дни каждого; за отработанное платилось, а прогульные дни абсолютно никого не интересовали [Грин 1965с: 328].

Во всех этих фрагментах перед нами возникает не что иное, как многогранный физиологический очерк, в котором в разных красках представлена жизнь огромной страны в конкретный исторический период. Грин не просто наблюдает за происходящим вокруг, он погружается во все тонкости и подробности того мира, о котором ведет рассказ. Быт, нравы, социальная, экономическая и политическая стороны жизни общества и особенно его обездоленных представителей даны не просто с натуры, а точно и остро. А вся «Автобиографическая повесть» построена «на контрасте между “идеальными”, романтическими представлениями о жизни и её суровыми реальными картинами, которые изображаются с натуралистической беспощадностью...» [Ковский 1990: 241]

Однако, как уже было заявлено выше, автобиографические черты присутствуют не только в тех текстах, где автор делает акцент непосредственно на событиях из собственной жизни, но и в произведениях, на первый взгляд не связанных напрямую с личностью и судьбой писателя. В творчестве А. Грина, М. Горького, М. Пришвина таких немало. Особенность такого творческого подхода наиболее характерна для ав-

торов, чей творческий реалистический метод допускает присутствие романтических элементов.

Произведения А. Грина, созданные им до начала 20-х гг. XX века, представляют собой именно такой синтез двух направлений, важной частью которого являлась и личность самого автора, присутствовавшая в них. Черты биографии писателя отчетливо просматриваются и в некоторых ранних произведениях – повести «Таинственный лес», рассказе «Заслуга рядового Пантелеева», и в уже более поздних текстах – «Крысолов», «Приказ по армии».

Повесть «Таинственный лес», написанная в 1913 году, – своеобразное переложение реальных событий, случившихся в жизни самого Грина. В ноябре 1910 года А. С. Грин за участие в революционной деятельности оказывается в ссылке на Севере. Он предпринимает усилия, чтобы остаться на поселении в Архангельске, мотивируя свои обращения к губернатору слабым здоровьем, но просьба его не была удовлетворена, и писателя вместе с женой Верой Павловной Абрамовой-Гриневской отправляют на жительство в деревню Великий Двор близ уездного города Пинеги. В это время и появляются первые наброски повести «Таинственный лес». Многое в этом произведении на первый взгляд кажется фантазией художника, но в предисловии к произведению А. С. Грин настойчиво подчеркивает: «В настоящем произведении изображена природа Пинежского уезда Архангельской губернии...» (из чернового наброска авторского предисловия к отрывку из повести «Таинственный лес», который Грин намеревался опубликовать в 1930 году под названием «Охотник и петушок») [Грин 1991–1997: 162]. Северная природа потрясает писателя своей чистотой и первозданностью, нетронутостью. Бродя по окрестностям Пинеги, Грин с удивлением открывает для себя «огромное овальное озеро» с парой плавающих по нему лебедей, словно нарисованное кистью художника, как картину заключенное «в раму мрачно-зеленого леса» [Грин 1991–1997: 162]. Герой повести – Тушин, фамилия которого, как нам представляется, выбрана писателем не случайно: такой же чуткий и сердечный, как и его однофамилец из известного произведения русской литературы, романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир», он очень близок и схож с автором. Так же, как и Грин, герой его произведения, оказавшись на Севере не по своей воле, привязался и полюбил суровый край, проник в тайну леса, ставшую частью его жизни, той сказкой, которая в определенный момент необходима каждому человеку.

Любопытен с точки зрения автобиографических подробностей и рассказ «Крысолов», созданный в 1924 году. Первоначальный сюжет

о «Дудочнике-Крысолове» из города Гамельна изменен здесь до неузнаваемости. В основу положены реальные факты из биографии самого писателя и история, рассказанная ему другом Леонидом Борисовым.

Время действия указано абсолютно точно – весна 1920 года, а именно 22 марта. Такая точность совершенно не свойственна писателю, однако здесь он, вероятно, прибегая к такой явной датировке, стремится усилить сюжетную линию произведения, а также продолжить традицию, начатую в ранних произведениях, показать в контексте реалий времени особенный мир героя.

История, услышанная Грином от Леонида Борисова, такова: знакомый Борисова, которого звали Яков Петрович, работал в штабе Башкирской бригады, расквартированной в 1918 году в Петрограде. Жил он неподалёку от Кузнечного рынка в большой, холодной барской квартире. Вся квартира, нетопленная, погруженная во тьму и тишину, говорила о разрухе. На одной из стен висел оставшийся от старых хозяев телефон, который уже давно был отключен. Но вот в одну из ночей случилось непредвиденное. Из гулкой тишины раздался звонок телефона. Яков так растерялся, что не сразу понял, откуда идут звонки, а когда, наконец, снял трубку, услышал, что сейчас с ним будет говорить товарищ Ардов, который был в ту пору комендантом Петроградского укрепленного района. Он задал Якову несколько интересующих его вопросов и повесил трубку. Раздался щелчок, и снова наступила тишина в телефоне, теперь уже навсегда. Казалось бы, где же тут биографические мотивы, ведь речь идет о совершенно другом человеке? Но они есть. Во-первых, А. Грин хорошо знал героя этой истории, часто встречался с ним, об этом свидетельствует все тот же Л. Борисов, во-вторых, начало рассказа полностью совпадает с двумя эпизодами из жизни самого писателя, относящимися как раз к этому времени. Первый – это болезнь героя: «Это начался тиф, и утром меня отвезли в больницу. Но я имел достаточно памяти и соображения, чтобы уложить свою булавку в жестяную коробку, служившую табакеркой, и не расставался с ней до конца» [Грин 1965b: 362]. Незадолго до этого и сам А. Грин перенес эту тяжелую болезнь, поэтому так точно описал ее в своем произведении. Вторым событием, напрямую связанным с его собственной биографией, была встреча героя на Сенном рынке с девушкой, которая стала его смыслом жизни. Именно таким образом писатель в январе 1921 года встретился со своей самой сильной в жизни любовью, ставшей вскоре его женой, Ниной Николаевной Мироновой. Она, как и героиня рассказа «Крысолов», вынуждена была продавать вещи, чтобы найти хоть какие-то деньги на жизнь. В определенной степени связанным с биографией писателя можно счи-

тать и холодный многокомнатный дом, описанный им в рассказе. После своего выздоровления он селится практически в такой же квартире, получив комнату в «Доме искусств».

Не менее автобиографичными представляются и произведения М. Горького. На память сразу приходит его трилогия: «Детство», «В людях» и «Мои университеты». Однако этот цикл не единственный, где М. Горький-реальный человек соединяет себя с художественным образом. Несомненно, вышеназванные три повести писателя наиболее точно воспроизводят реалии его собственной жизни, давая возможность воспринимать их как собственно биографию М. Горького, написанную им самим уже в зрелом возрасте. При этом и в них мы можем найти определенное художественное преувеличение, который отнюдь не умаляет их содержания и статуса. Так, до конца не ясна роль матери в жизни Алеши Пешкова. В реальности она довольно долго жила вместе с ним, а в повести, наоборот, часто исчезала. Да и образ деда Василия Васильевича Каширина в повести не во всем соответствует реальному человеку. Писатель скорее дает нам собирательный портрет эпохи и ее наиболее характерных представителей, стараясь уйти от индивидуализации и идентификации.

Но если трилогия самим М. Горьким названа автобиографической, то остальные его произведения, где за историей, созданной по воле автора, можно увидеть факты его собственной жизни, причисляются к этому типу по принципу, предложенному Сент-Бёвом, т.е. необходимо увидеть связь художественного произведения с биографическими реалиями его создателя. Именно к таким относят два цикла, созданные М. Горьким в приблизительно в одно время, в 1910-е годы: «По Руси» и «Сказки об Италии». Оба цикла носят автобиографический характер и связаны с воспоминаниями писателя в первом случае о ранних странствиях по России, во втором – о его пребывании в Италии. Обе эти книги представляют собой своеобразные воспоминания М. Горького о конкретной поре его жизни, их даже можно рассматривать как дневник, с помощью которого его автор ведет диалог со своими читателями на тему особенностей русского национального характера.

Что касается первого цикла, то известно, что писатель хотел назвать его «Русь. Впечатления проходящего». В письме к Д. Овсяннико-Куликовскому в 1912 году он писал: «Я намеренно говорю “проходящий”, а не “прохожий”: мне кажется, что прохожий не оставляет по себе следов, тогда как проходящий – до некоторой степени лицо деятельное и не только почерпающее впечатления бытия, но и сознательно творящее нечто определенное» [Горький 1949–1956: 124]. Очевидно, что «прохо-

дящий» – это сам писатель, наблюдающий за всем происходящим и активно участвующий в жизни, он ищет себя, по-разному, в зависимости от ситуации, проявляя свой характер. Подтверждением связи, существующей между героями произведения и непосредственно автором-создателем текстов может быть, прежде всего, местоимение «я» и рассказ от первого лица. Кроме того, и многие факты жизни М. Горького нашли свое воплощение в этом художественном тексте. В течение одного 1891 года он прошел Россию вдоль и поперек – Поволжье, Дон, Крым, Кавказ, Бессарабия, Украина, Тамань, Крым. В Майкопе его арестовали как «проходящего», вот откуда название всего цикла. Но М. Горький не только «проходящий», он – непосредственный участник многих событий, таких, например, как в первом рассказе цикла «Рождение ребенка», или трагической истории о безномом мальчике в «Страсти-мордасти», или повести «Хозяин», идейно примыкающей к этому циклу. Последняя имеет достаточно точное определение своего места в чреде произведений этого цикла – «страница автобиографии». В ней отражен реальный факт из биографии М. Горького, связанный с его жизнью в Казани и работой в пекарне В. С. Семёнова.

Итак, главной темой и этого автобиографического цикла становится судьба простых людей, тружеников, которые постоянно должны думать о том, как прокормить свою семью. И вновь перед нами своеобразный «физиологический очерк», а правильнее сказать – «цикл физиологических очерков», где исследуются быт и нравы, духовная, социальная и политическая сторона жизни обездоленных и оскорбленных.

Достаточно разнообразных автобиографических деталей и в творчестве М. Пришвина. Писатель-путешественник, наблюдатель, собиратель народной мудрости, он побывал в разных уголках России. Одним из самых ярких автобиографических произведений, на наш взгляд, стала книга очерков «В краю непуганых птиц», созданная после длительной поездки в Олонецкую губернию. Мысль о поездке в суровые северные края возникла у писателя в самом начале его творческой деятельности. Летом 1906 года М. М. Пришвин, как он сам потом рассказывал, «бросил служебную карьеру и пешком, без гроша в кармане, с одним дешёвеньким ружьем ушел на Север, чтобы записывать народные сказы и речь» [Пришвин 1956: 27]. Несколько месяцев провел он тогда в Выговском крае (Карелия), собирая народные предания, фольклор, все глубже постигая особый дух этого мира. Однако М. М. Пришвина привлекали не только исследование и собирательство устных народных сказов, главной его целью было понять людей, которые живут в этом суровом краю, постичь строгую красоту этих мест, проникнуть

в душу и тайну природы. Итогом этого путешествия, личных впечатлений и переживаний писателя и стал цикл очерков «В краю непуганых птиц (Очерки Выговского края)» (1907). Книга эта для писателя была первым, но весьма удачным литературным и научным трудом, высоко оцененным современниками. Об этом свидетельствует награждение М. Пришвина серебряной медалью Русского географического общества.

Книга эта представляет собой особый тип автобиографического текста, сочетающего в себе сложное переплетение разных литературных традиций и научного исследования, где главным все-таки остается сам автор, по-своему воспринимающий все, что он видит. О начале своего знакомства с суровым краем Пришвин вспоминает так: «Поездка всего на один месяц в Олонецкую губернию, я написал просто виденное – и вышла книга “В краю непуганых птиц”, за которую меня настоящие ученые произвели в этнографы, не представляя даже себе всю глубину моего невежества в этой науке» [Пришвин 1956: 787]. Впоследствии писатель неоднократно вновь и вновь обращается к северной тематике, объясняя этот интерес, он пишет в 1908 году: «Где же найти такой край непуганых птиц? Конечно, на Севере, в Архангельской или Олонецкой губерниях, ближайших от Петербурга местах, не тронутых цивилизацией» [Пришвин 1956: 11].

Отправляясь в свое первое путешествие, молодой писатель был одержим идеей, основанной на духовной потребности художника обрести смысл жизни. В основе ее лежит желание ощутить истоки народной души и постичь глубину природы. Произведение «В краю непуганых птиц» стало первым в создании особого сказочно-реального мира писателя. Отличительной особенностью этого художественного пространства является, прежде всего то, что М. Пришвин «постигает и пишет его сердцем» [Пришвин 1982: 14], т.е. с высокой долей эмоционального напряжения. Метафора, которую автор заключает в название произведения, точно характеризует поэтический образ, содержащий в себе самое ценное знание о мире, природе и человеке. Сам писатель, обозначая жанровую принадлежность книги, называет её серией очерков, однако ожидание чуда, ощущение волшебства и неожиданности дают возможность назвать это произведение своеобразной завораживающей сказкой о природе и о людях, живущих с ней бок о бок. Мир нетронутый, даже первобытный, в котором вместе сосуществуют лес, вода, камень, колдуны, полесники, скрытники, представляет собой сочетание фольклорно-песенных образов с конкретно-историческим началом. Такое сочетание условного и реального свойственно русской сказочной традиции, в которой, как правило, отсутствует идеализация даже цен-

тральных героев. Быт, нравы, обычаи и обряды жителей северного края описываются не столько с научной точки зрения, сколько согласно авторскому представлению о духовности и нравственности, чему особенно способствует своеобразная форма сказки-были, допускающей соседство двух противоположных пространств, вымышленного и реального, «приходящего» с «уходящим», добра со злом. Погружаясь в первозданный, загадочный и сказочный мир русского Севера, обращаясь к «вечным вопросам духа», писатель тем самым желает сохранить внутреннюю свободу и обрести свой собственный творческий идеал.

Перед читателем возникают не отдельные этнографические зарисовки, а объемная, целостная картина жизни северяян, обладающих самыми разными способностями и талантами. Сказительница и воплощенная, староверы и бурлаки – колоритные и яркие фигуры-типы словно сошли со страниц русских сказок. В поисках «страны непуганых птиц» М. Пришвин забирается все дальше «в нетронутые культурой уголки», где «душа отдыхает, встретив в жизни то, что давно уж забыто и разрушено, как иллюзия» [Пришвин 1982: 72]. Но и там живут самые разные по своей психологии люди. «Страна непуганых птиц» у Пришвина – это прежде всего пространство, близкое и понятное самому автору, воплощающее его внутренний мир, наполненное палитрой естественных, натуральных красок, где главным представляется единение человека и природы, создающее одухотворенный и многогранный образ мира.

В заключении хотелось бы еще раз отметить, что автобиографизм в русской литературе является одним из наиболее значительных компонентов, важных для постижения не только личности самого автора, но и главной идеи его произведений.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ГОРЬКИЙ, А. М. (1949–1956): *Собрание сочинений в 30 томах. Т.29.* Москва: ГИХЛ.
- ГРИН, А. С. (1965a): *Собрание сочинений в 6 томах. Т. 1.* Москва: Правда.
- ГРИН, А. С. (1965b): *Собрание сочинений в 6 томах. Т. 4.* Москва: Правда.
- ГРИН, А. С. (1965c): *Собрание сочинений в 6 томах. Т. 6.* Москва: Правда.
- ГРИН, А. С. (1991–1997): *Собрание сочинений в 5 томах. Т.2.* Москва: Художественная литература.
- КОВСКИЙ, В. Е. (1990) Настоящая внутренняя жизнь (Психологический романтизм Александра Грина). In: Ковский В. Е. *Реалисты и романтики.* Москва: Художественная литература.
- ПРИШВИН, М. М. (1956) *Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 2.* Москва: Художественная литература.
- ПРИШВИН, М. М. (1982) *Собрание сочинений: в 8 томах. Т. 1.* Москва: Художественная литература.
- СЕНТ-БЁВ, Ш. (1970): *Литературные портреты. Критические очерки.* Москва: Художественная литература.

Профиль автора:

Васильева Инна Вячеславовна, кандидат культурологии

Сфера научных интересов:

История русской культуры и литературы XVIII–XX вв., зарубежная культура, культурология, древнерусская литература, русистика для иностранцев.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1

Москва, 119991

Российская Федерация

www.msu.ru

ivasi67@mail.ru